Художественному театру (1898-1923 г.)

Залта. сеголяя вчера. Сеголяя вчера. Сеголяя в дера... Воть опо дреацить, томить, торошить кь сест, кеятломе в автра; регеп къ меж нему мещьщеностю длужен валь гроше; шикь, бездалостю домя и убязая висто-шикь, бездалостю домя и убязая висто-шен, противы всего приросши в притивы всего приросши в притивы в

Сегодия; — якимовоючь, мее среди толим, по ужо не удовлотво-раниме бунтарски слиницы, уже ваятое мин подъ полозрение, ужо собирающоеся угодить по —

уколить по Взера. Нео же одо такое, это вчера? Вчера. Что же одо такое, это вчера? Это — бадина, отнываемый бод. Везака-достима бой: заковалийе того, счего изга-да свёть, соведью дать на свёть... Это — бали да свёть соведым дать на свёть... ванныхъ... Это — безперемонное толканіе поктями дюдей новаго, паки грядущаго,

моэтра.

О тебе, Московскій Художественнай геагра, говорю, думко в чувствую д, гофра о аверта, о сегодам, о втера. О тебе, оный, гордый бунтепшикта, о тебе, аразай мудьый правитель; о тебей, старных в, и Когораго пода зеленью в золотомы дан.

нать вала гланной гланом кургена».

«Прошля еще тысочествіть одна мигука» — сказаль кудожникь о жнаниоркі «прошло четверть віжкі мыленичая
грерть магенькаго пякла — тысочествіть наше горятошное, соряванесся съ піве, промя ти — покладър. Ты вспомннасщь сеголя свою жнань.

И я всяюниваю еє; жномиваю со ясіи тімні съ кімп вийств ти еє прожильгоба есть что яспомивть, старикь, Охъ,
комікю же оци мифетия, яти палятоть
вять літті йокь они висоциены...
Таваю вероминать.

мест всполь. Еще цватеть в властвуеть расный Малый театръ. Бодро, уаб с, въ полную ширь голоса, въ полную о, въ полную ширь голоса, въ полную в жеста, вът полную леность ръзко чениаго чувства нграють его арта-въря, что опи — и вчерашлее, и сого-плес, и заптрашнее, Покориклим сле-примвренія трепашеть голось Ослооскворёчье восврешеля, и стат друких планикх, чето Сатолекихи, чето сейдами релеговии и моленов, споративный Южинг. Сеголяя привад-скоративный Южинг. Сеголяя привад-скало дому Шелкива, но — больло, вол-овалось, чулло приближеніе редовых и умъ деракое зактра.

На человия создани его: Владиніря и Ката

Два человита создали сто, владали Ивановичъ Немировичъ Дангено и Кон-стаптинъ Соргъевичъ, съ фамилея; Але-веть, съ именемъ: Стаписловскій. Владиміръ Ивановичъ. Здравствуйте

Владиміръ Ивановичь Здравствуйте, Владиміръ Ивановичь Здравствуйте, Владиміръ Ивановичь! Изъ зарубежной дади, изъ пятилётней разлуки, черезъ го-ры и провады соціальныхъ перевороговъ ры и провяды социальных, вереворогойх протягнява же вых руку, страный, удивитольный челоейх, сдохойней кипукесть, уравнокішенный буить, обживаюшій леть. Родной брать прекраслаго, томваго, полнаго шарма «испанскаго дворяшина» Веслія Инаповика. Родные братья
— во «волна и камець, стихи и проза, адъ и пламень не столь различны межъ обой». Василій Пвановить, великолів-вішій носитель мужского илчала, челопо эпойной юго-восточной кра

евность Восалій Иликовачу падо бы півть, ме-долек замівровать. Віздамірть Илакопичть голорять спокойтных рознымт, голосоми тяжимт, и холоденьмъ иного разт, прико-педсом мий ет пимя выступать поред-типать в применення выступать поред-Всегда, при всякой обстоновив объть случаять, — одние и тоть же-вически-будинаный, заотегнутый на пуговины всегда поваго, прекрасио аго сюртука, съ колодны вкиъ лицомъ, со спокој = умный, образованный, спепафически московскій купчакъ, «джентльменъ», лишевный карикатурныхъ черть. Таковъ н на диспутать таковъ и въ юбилейномъ н на диспутать, таковь и зъ юбилейномъ словв о своемъ дътицътеатръ, таковъ и говорящій товарищеское слово умиравище му другу Чехову. Стоять перода публи-ной Художественнаго театра — перода

Всюду такой же, какъ будто овъ у се-бя въ набинотъ, на Большой Никитской улицъ, за работой. Смотрить на публику и всемъ видомъ, всею сущностью, го

ворять: Формункрую въсколько мислей, которыя моня сейчасъ занимають, и совершено ве заантересовать въ томъ. — повравятся вамъ онт, наи изти. Не ускорить темна, не полиметь тола, не дасть питемно, не полинаеть тола не по-ть ли-кому накакой взятки, в, приведя въ ли-жение вось механизать, создавъ ого, — самъ скроего за иего. Да сетъ-ли овъ? «Гомерт», него сетъ-ли овъ?

Три въ мір'є высшіє творца» — ить спі такиев за спои творенія, что у по мій соблазиь отвер-

Воть и Вот имоть Иваповичь тоже. Завтра въ "удоноственный театръ от-

оеву случаностраниять осея выпуску обращения и передуации переду

оторавшиесь, вы метеривливо сившили къ ней возврититься». Насладившись такъ работаю, онъ не ошущаль уже охоты наслаждаться уча-ствіемъ въ тріумфъ. Накогда не шель «къ

ствіемъ ть тріумфі. Някогда не шелъ «къ публікть».

Постоянно отремвлся въести на сцену человъв въз жививн. Находять камергера отакована, отарато учителя расованія Артена, отарато менетова обрасованія Артена, отарато менетова обрасова, Польтина, и взяль ихъ:

— «У профессіональнихъ актеровъ шаблогъ, выучка, «гонтикъ»; висенто ва спену мастояную миловъ. Висенто ва спену мастояную миловъ. Висенто ва спену мастояную миловъ. Висенто ва спену мастояную миловър висенто на пречетъ и праву и на однома менетов вичето на прочетъ. И видотъ только артисти Художственняю театъра, какъ чателетъ В. Ив.

Не родивъ себя, какъ актера, овъ, со-здавъ театръ, убять себя какъ драматурга. Авторъ «Новаго Л°ала», «Золота», «Цень жазин», — умемй и талантливый, онъ только разъ поставить нь своемъ театръ свою пьесу: «Въ мечтахъ». Въ са момъ началъ жилин театра. Затъмъ колодио, сухо и твердо свавалъ

И больше не собдазнился ни разу.

турговъ. Опъ создаль драматурга Чехова.

Онь убъдиль правитурия посы, настояль пьосы, настояль на томь, чтобы убитую въ всандринскомъ театръ «Чайку» вс настояль на тожь, чтом уонтую из але-весандивискомь театрё «Майку» восире-синин въ Художественномъ; онъ убиль въ мимоеной душть Чехова отвращение послъ провала «Тайки» въ драматурги: овъ дал»

о сцевъ. И не было бы безъ Вл. Ив. драматурга Андреова, котя очень и очень, во многомъ и во многомъ не мирплся Немировичъ-

я во многохъ ве мирился пемировичь-Давтовко съ этемъ зраматургомъ. Вл. Из. открылъ русокому обществу ме-терлинка, Иссова, Карпинава... но прекла всего, в постъ воего, и посродняћ всего— опът открылът. Россиі, тежру и самому сму — Константина Сергъевача Станислав-

сваго. Сейчасъ Художественный тоатры пока-зываеть себя въ Европъ и Америкъ. Опевзываеть сеол въ варолъ и америка. Опек таки; устъйн; аподпасменты, в Владн міръ Ивановичь Немировичь-Даличнко сидить въ Моский и работветь. Молча упорно, сосредоточенно; съ часами въ ру-какъ и великолъпийшимъ механизмомъ

въ мозгу.
Что овъ для театра — знають арти-сты. Знають люди, близкіе театру. Владвийръ Ивановить, вамъ вашъ пер-вый приятть, наше поздравленіе, наша

благодарность. Высокій, очень высокій! На плинномъ Высокій, очедь высокій На длиняюму-мий красніння, виутрь еебя смотрашіє, глада; врудный роть, ей гублик, едокви-вами така, кака будто бы отй пробукть вкусь чего-то. Нада молодама, лицость вефест родосу буктай, метій, шелкови-стьй кональ. При черпыха, кака смодь, продиль и черпых ме, карсино вычер-чевныха усахь. Лицо серьсяюе, а дри ульбей становищеней, падрут, добуктим, дёжения, орестобрательности заминаме, в право станутеле, доскають. Такиму, вого-минается К. С. Станиславкій того перваю промення Такає муже на Хулоке.

внаго взгляда, ин слишкомъ своеобраз-го очертанія рта. Немировичь-Данченко и Станиславскій,

Вирочемъ, — сва виду», — при огром-пой скромности нивогда себя на выстав-ляд, не выдвагая. Въ этомъ и заключа-лясь прелесть Художественнаго те-атра, что Бесгра билъ смъ за сто версть отъ улишь, отъ ба зара, отъ суствато, ни било дяже и тъ-ти из немъ дурного това и каботивства. отдали сектантству. Про-

атромъ. Смотрять на него люди и стераются номъ залѣ совстиъ темво, и только свът ло отаветъ около сцены, и торжествене прозвучитъ гонгъ, и раздвинется сърый юшевый занавысь съ четовской чайкой. Этла поярится странное, неожильное, нногда восхищающее, имогда вызывающее проскаго непрестив.

вопросы, недаумба!я, порож несоглас!о, всегда новое, эсегда дерэков, значател все, открывающее ньой подходь. Неяс-шимость выдумки, «кучним» мость выдуман, «кутящее воображеніе» воть величайная сила Станиславскаге

новое, вокое и всегда вокое, рось нь изу-бину и ву, шкроту.

Сталисляемій сийлалом оракулома, и отлалом них по праву.
Отнивення в Европи. У кого глубива, и сложность, и раз-нообразів состивли чего нибудь подобак-то? Кто такъ неустанно, годь ак годомь, уть течний ечетнорти вика, давать повое, ко-вое в полос?

вое в повоет

И самое гламов — въчное недовольотно
собой. Въ восторта печать, воскишается
публика, по — «не то» — говорить самому
себъ Отациславскій, и домаеть, илеть отъ одного принципа къ

творій, — оть полной подчиновности ис-полнителя режиссеру до полной его сво-

боды.

И вграль роли. Иногда
нісмъ Стапиславскаго можиногда весогласиться съ выссто восхищаться — в всегда

ковъ в проч., и проч. и проч.
Превосходный артисть и геніальный режиссерь, крупитанній въ пропедшемь в пастоящемь, безь преемниковь пота жъ

настоящемь, безь преемниковы пока къ бурущемъ.

И сейчась весь въ покаміи. И сейчась, волово увлечение — ратмикой Далькрова, прикъняя ее къ дражъ.

Усорь ийть давно; въ чернить бро-вахъ, кар, коворять французы, уже боль-ще соля, чёмъ перцу, не сколько перцу въ сейчась въ его ражносута, въ его пут по фанатической мечтъ населить те-затальника студи въ неже Къпостії.

ин рука. Привъть, благодарность и пеэдравле 11... Къ вамъ теперь слово,

ювоши 1898-го года, воистину заслуженные артисты на-шяхъ, дней! Къ вамъ, господа Художе-ственный театръ!

Парижъ. Сергай и полож (Окончаніе следуеть). Сергай Яблоновскій. .

Отъ редакцін «Руля» І. В. Гессевомъ послано К. С. Станиславскому привътствіє: Господину К. С. Станпславскому Парижъ.

Дорогой и глубовоуважаемый Константинь Сергиевичь!

счастливъ принести Вамъ п въ В горячее дружеское подправленіе по случам двадцатинямийтванго юбылея столь дорогого и близкого мий Художественнаго Театра.

выразимой отрадой вспоминаешь о том утомимымъ неканісмъ, я горячо Вамъ найтя среди создавшогося о меннаго таоба твердую лийю во